

Л.А.Косичев

Карэн Хачатуров: жизнь, отданная латиноамериканистике

Очерк посвящен многогранной деятельности Карэна Арменовича Хачатурова — публициста, ученого, общественного деятеля, который внес большой вклад в отечественную латиноамериканистику и в развитие российско-латиноамериканского сотрудничества.

Ключевые слова: Карэн Хачатуров, АПН, российско-латиноамериканское сотрудничество, Московское радио.

Случилось так, что раньше, чем с Карэном, я познакомился с его мамой Гаянэ Георгиевной. Дело в том, что мой университетский однокашник Артур Толстяков был женат на сестре Карэна Марине. Мы продолжали дружить с ним и после того, как в 1960 г. закончили факультет журналистики МГУ на Моховой. Артур и Марина жили тогда вместе с Гаянэ Георгиевной в маленькой комнате в коммунальной квартире на старом Арбате. Когда я впервые побывал у них дома, обратил внимание на висевшие на стене картины. Оказалось, это — оригиналы, принадлежавшие кисти основоположника армянской пейзажной живописи Георгия Захаровича Башинджагяна, отца Гаянэ Георгиевны. Это были дорогие семейные реликвии. Потом я часто бывал у них в гостях. Гаянэ Георгиевна была замечательной женщиной — доброй, отзывчивой, по-кавказски гостеприимной. Нередко мы вместе отмечали праздники; на стол непременно подавались разные армянские или грузинские блюда, которые Гаянэ Георгиевна, армянка, выросшая в Тбилиси, умела готовить так, что всегда хотелось воскликнуть: «Какая вкуснотища!». Да и гости собирались интересные, мыслявшие нестандартно в те годы жесткого идеологического однообразия. Я иногда терялся среди этих сведущих и смелых по тем временам людей. Заглядывал сюда «на огонек» и известный историк литературы профессор МГУ Александр Васильевич Западов, великий либерал, любимец студентов. Тонкий филолог, автор интересных книг, он много повидал на своем веку. Боевой офицер во время Великой Отечественной войны, он выступил тогда и в не-

---

Леонард Анатольевич Косичев — журналист-международник (lkosichev@gmail.com).

К.Хачатуров, военный корреспондент газеты «Красный флот». Вверху: родители с маленьким Карэном

протяжении многих лет останавливалась и подолгу жила опальная Анна Ахматова. Много лет спустя я с большим интересом прочитал его «Легендарную Ордынку» с подробными воспоминаниями о великом поэте. Миша был весельчаком, жизнелюбом и большим скептиком. Удивительно, а может и не удивительно, но впоследствии он стал известным священнослужителем православной автономной церкви и автором интересных книг. Поистине неисповедимы пути Господни! Не знаю, как сейчас, но тогда на наших встречах он без конца шутил. Наверное, сказывались гены отца, известного писателя-юмориста Виктора Ардова. Однажды после какого-то пустякового спора со мной он с серьезным видом изрек: «Леонард — правверный марксист, но он в этом не виноват». Все громко рассмеялись, я тоже. Никакой обиды на Михаила у меня не было и не могло быть. Вообще, это было замечательное время, начало 60-х годов. Мы спорили о культовых писателях нашего поколения — Хемингуэе, Ремарке. В 1962 г. главным событием литературной жизни стала публикация повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — первое произведение о сталинских лагерях. В воздухе витали новые веяния — еще не осознанные

обычном для него жанре: написал популярную «Памятку артиллериста». Многие из журналистской и редакторской братии, собиравшиеся у Хачатуровых, откровенно тяготились чиновничьей дисциплиной и строгими идеологическими установками в своих печатных изданиях, мечтая о жизни «на вольных хлебах». По этому поводу А.В.Западов как-то произнес запомнившуюся фразу: «В наше время лучший гонорар — ежемесячная зарплата». Его остроумие было неиссякаемым. А мой ровесник и товарищ по университету Миша Ардов рассказывал, как после войны, приезжая из Ленинграда в Москву, у них в квартире на Ордынке на

предвестники будущего мировоззренческого кризиса. В маленькой коммуналке Хачатуровых на старом Арбате нам было интересно и уютно.

Часто в атмосфере дружеских разговоров Гаянэ Георгиевна вспоминала имя одного отсутствующего члена семьи Хачатуровых. Конечно, это был ее сын Карэн. Мне, начинающему журналисту, он казался загадочной личностью. С 1957 г. Карэн находился за тридевять земель от дома: работал в качестве пресс-атташе нашего посольства в заокеанском Уругвае. От Гаянэ Георгиевны я узнал, что он с золотой медалью окончил среднюю школу в Тбилиси, потом получил диплом с отличием Московского государственного института международных отношений (МГИМО). Вскоре судьба надолго забросила его в «латиноамериканскую Швейцарию» — так называли Уругвай за его устоявшиеся демократические традиции. И вот однажды — это было в 1963 г. — Артур и Марина пригласили меня на их семейный праздник, на котором, наконец, появился Карэн со своей красавицей женой Римой. Они недавно вернулись из дальних странствий после пятилетней разлуки с Родиной. Так, в непринужденной обстановке домашнего застолья, во время которого Карэн был тамадой, состоялось мое знакомство с ним. На меня произвело глубокое впечатление то, с какой нежностью он относился к маме, как он любил сестру Марину. А подраставший племянник Егор был для него как родной сын. В этой необыкновенно дружной семье царили любовь и забота друг о друге. Карэн сразу стал прилагать усилия, чтобы приобрести для матери и Марины отдельную кооперативную квартиру, и вскоре пришло время новоселья.

А тогда при нашей первой встрече в коммуналке Карэн рассказал, почему в МГИМО он стал изучать именно испанский язык. Выбор определила гражданская война в Испании (1936—1939 гг.). Школьник Карэн и его сверстники, затаив дыхание, смотрели в Тбилиси кинохроники о героически сражавшихся республиканцах и ждали их победы над мятежниками генерала Франко. Учителя разъясняли своим питомцам, что происходит в стране за Пиренеями. Вместе с одноклассниками Карэн даже обзавелся картой Испании, на которой бумажными флажками помечали места сражений. Мальчишки бредили Испанией. Тогда в памяти Карэна остался боевой клич республиканцев «No pasarán» («Они не пройдут»). Это были первые испанские слова, которые он запомнил. Но в Испанию, край своей детской мечты, Карэн впервые попадет лишь 30 лет спустя после окончания там гражданской войны. Потом он напишет: «Мы ждали скорого конца режима Франко, но оказались пленниками пропаганды. Окончили институт без перспектив, разбежались по разным организациям. Так я стал военным журналистом-международником (работал в газетах «Красный Флот» и «Красная звезда»). В конце концов возникла возможность поездки в Уругвай (Советский Союз имел тогда отношения в Латинской Америке только с Мексикой, Уругваем и Аргентиной)... Я был счастлив. Латинская Америка — моя любовь, на всю жизнь»¹.

Моя профессиональная судьба сложилась так, что я тоже избрал для себя специализацию журналиста-латиноамериканиста. В 1960 г. после окон-

К.Хачатуров в рабочем кабинете

чания факультета журналистики МГУ я с группой своих однокашников пришел работать на радио, в редакцию международной информации и новостного вещания. А вскоре нам, молодым журналистам, предложили перейти в созданный в рамках латиноамериканской редакции отдел радиовещания на Кубу. На этом острове только что победила революция. Совершенная в необычных условиях, она удивляла, восхищала и будоражила умы, особенно молодых.

Поражало то, что кубинская революция победила не совсем в соответствии с марксистско-ленинскими принципами. На начальном этапе даже Народно-социалистическая партия (коммунистическая) не поддержала развертывание вооруженной борьбы на острове. На факультете журналистики в наше время изучались английский, немецкий и французский, но испанского языка не было. На иновещании срочно создали курсы испанского с замечательными преподавателями — испанскими республиканцами, эмигрировавшими в нашу страну после гражданской войны. Многие из них работали дикторами, переводчиками, стилистами. Потом нас послали совершенствовать язык в Гаванский университет. В общем, для меня и многих моих советских коллег Латинскую Америку открыла кубинская революция. Над нашими редакционными столами висели фотографии молодых бородатых революционеров, которые создали в горах Сьерра-Маэстры повстанческие отряды и, проявив поразительное мужество, разгромили регулярную армию диктатора Батисты. До нас дошло горячее дыхание огромного, захватывающего дух региона с нелегкими судьбами его народов, связанных общностью истории, языка, культуры. Среди корреспонденций и очерков наших журналистов о Кубе были и материалы Карэна. Оказывается, руководство АПН на несколько месяцев прервало его пребывание в Уругвае для того, чтобы он возглавил созданное в Гаване бюро агентства.

Мы входили в мир латиноамериканистики, с жадностью проглатывая все, что писали о «вулканическом континенте» ученые, дипломаты, журналисты. Карэн быстро вошел в плеяду самых ярких авторов, писавших на международные темы. Читать его статьи было интересно и рядовому человеку, и специалистам. Печатался он в таких престижных газетах того времени, как «Литературка», «Известия», в журналах «Знамя» и «Новый

мир». Поражало разнообразие жанров, в которых он работал: памфлет, очерк, фельетон, сатирическая заметка, инсценировка, политический репортаж, комментарий, интервью... Иногда Хачатуров удивлял выбором темы и ее оригинальным раскрытием. Кажется, он играючи написал серьезное и в то же время вызывающее улыбку исследование об образе латиноамериканца в произведениях Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Автор с иронией показывает, какими жителей далекого континента представлял себе «великий комбинатор» и почему его представление о них, сложившееся в условиях современной ему советской действительности, было нелепо смешным. Такому человеку, как Карэн, обладавшему великолепным чувством юмора, было под силу сотворить столь необычный опус (опубликован в журнале «Латинская Америка»). «Именно Остап Бендер, — пишет автор, — заразил меня своей несбывшейся заветной мечтой побывать в Рио-де-Жанейро. Туда в те далекие годы самый короткий путь лежал через МГИМО... Мы же, читатели «ЛА» (журнала «Латинская Америка») можем гордиться: Остап Бендер с его хрустальной мечтой о Рио-де-Жанейро и истовым исполнением аргентинского танго стал первым в России стихийным, недипломированным латиноамериканистом»².

В материалах Хачатурова журналистское мастерство сочеталось с глубоким знанием и пониманием того, о чем он пишет. Это была публицистика высокого уровня. Для нее были характерны острая постановка проблемы и наступательный дух. Недаром он был удостоен премии Воровского — высшей награды Союза журналистов СССР за международную публицистику. Думаю, можно говорить об особом «хачатуровском» стиле, который я угадывал и тогда, когда автор почему-то прятался за псевдонимом К.Каренин.

Со временем между нами установились теплые отношения. Сейчас, когда пишу эти отрывочные воспоминания, я называю нашего друга Карэном, чего не мог позволить себе при его жизни. Он же всегда называл меня Леонардом. Но я обращался к нему только по имени и отчеству, даже если мы вели разговор вдвоем. И не только потому, что он был на десять лет старше меня. Я смотрел на него с искренним уважением как на мэтра журналистики и латиноамериканистики.

Когда Карэна назначили заместителем председателя Агентства печати «Новости» (на этой должности он пробыл 17 лет), я, конечно, порадовался за него. Но в то же время подумал: останется ли у него теперь время, чтобы писать также много и плодотворно, как раньше. Мне уже приходилось видеть на примерах других людей, что назначение на ответственную должность и большая организационная работа приводили к тому, что на собственное творчество уже не оставалось времени, и имя журналиста исчезало со страниц печатных изданий. С Карэном такого не произошло. Груз административных забот не подавил в нем его настоящее призвание. Он по-прежнему оставался пишущим журналистом. Из-под его пера выходило не меньшее количество статей, чем прежде. Продолжали появляться и новые книги. Казалось, что Карэн оставался вольным обозревателем. Более того,

С президентом Уругвая Хулио Мариа Сангинетти

крупный журналист-международник, он смог сочетать публицистическую деятельность с исследовательской работой и защитил докторскую диссертацию, став видным ученым-историком. Его монографии посвящались самым актуальным проблемам «вулканического континента» и нашим отношениям с латиноамериканскими странами. Хачатурова заслуженно избрали председателем Российского комитета сотрудничества с Латинской Америкой. Работу в этой общественной организации он совмещал с преподаванием в качестве профессо-

ра Дипломатической академии МИД РФ. Однако чем бы он ни занимался, прежде всего этот замечательный человек считал себя журналистом.

В свое время Карэн привлек меня к сотрудничеству с АПН. Признаюсь, мне было приятно видеть мои статьи, опубликованные в латиноамериканских газетах и журналах. Для издательства агентства печати «Новости» я написал в популярной журналистской форме брошюру «Латинская Америка: борьба за второе освобождение», которая вышла на трех языках, — испанском, португальском и английском. С ней был связан один казус. Както руководитель иновещания Александр Петрович Евстафьев беседовал с членом секретариата Компартии Аргентины Родольфо Гиольди, который рассказывал о социально-экономических проблемах Аргентины и давал рекомендации, как их освещать. В этом контексте он упомянул и прочитанную им мою брошюру. На его взгляд, автору следовало бы более критически отнестись к некоторым позициям известного аргентинского ученого-экономиста Рауля Пребиша, которого я цитировал. При встрече с Карэном я поведал ему о том, что сказал Гиольди. В ответ услышал: «Ну вот, видишь, есть отклик. И на каком уровне!».

В годы правления президента Сальвадора Альенде (1970—1973) я работал в Чили. Пережил там трагические дни военного переворота и даже был арестован охранкой Пиночета как представитель «Московского радио, ведущего в передачах на испанском языке античилийскую пропаганду»³. Только благодаря настойчивым усилиям нашего посольства я был освобожден и вместе с последней группой наших дипломатов и специалистов по-

кинул Чили через две недели после захвата власти военной хунтой. Я снова вернулся в латиноамериканскую редакцию иновещания. Уже через несколько дней после переворота в ее рамках создается отдел радиовещания на Чили. Работали в нем в основном чилийские эмигранты, им помогали несколько наших журналистов. Мне, только что приехавшему из Сантьяго, было предложено «отстреляться по полной программе» в новых передачах, получивших название «Слушай, Чили!». Они звучали из Москвы на коротких волнах на протяжении шестнадцати с половиной лет правления Пиночета, и чилийцы ежедневно узнавали из них то, что замалчивала подцензурная печать на их родине. Чилийские журналисты, приехавшие в Москву, сумели наладить оперативную доставку информации из своей страны через соседние государства. Это были люди, искушенные в своей профессии, известные у себя дома: писатели Володя Тейтельбойм, Хосе Мигель Варас, Эдуардо Лабарка, публицисты Роландо Карраско и Марсель Гарсес. Популярность «Слушай, Чили!» была столь велика, что за нашим радио закрепилось название «La Primera de Chile» (Первая радиостанция Чили). Адмирал Патрисио Карвахаль, в бытность министром иностранных дел хунты, сделал весьма красноречивое признание: «Московское радио причиняет нам больше вреда, чем это может сделать весь мир»⁴.

Карэн сразу установил дружески связи с создателями программы «Слушай, Чили!». Их материалы, начиненные «динамитом фактов», распространялись по каналам Агентства печати «Новости» у нас и за рубежом, разоблачая злодеяния хунты. Публицист Р.Карраско, которого международное движение солидарности вырвало из концлагеря Чакабуко, выступил в передачах «Слушай, Чили!» с циклом материалов о том, какие пытки и страдания пришлось пережить ему и его товарищам. Эти воспоминания легли в основу его книги «Военнопленные в Чили», изданной Агентством печати «Новости» при содействии Карэна. Это одно из самых ярких документальных произведений о преступлениях чилийской хунты Пиночета. Книга была отмечена престижными международными премиями. Тогда в издательстве АПН были выпущены брошюра о программе «Слушай, Чили!» и сборник писем, которые Московское радио получало из Чили (они приходили окольными путями, через третьи страны и под ними стояли только имена, фамилии не указывались, так как авторы разоблачительных посланий опасались репрессий). Сам Карэн тоже много писал о том, что происходило в Чили. Х.М.Варас свидетельствовал в своем послании памяти Карэна, присланном из Сантьяго: «Помню, с каким напряженным вниманием К.Хачатуров следил на заседаниях Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты Чили за каждым показанием, которое давали пострадавшие, и как затем, после заседания, всегда стремился к встрече с ними, к личной, более глубокой беседе, чтобы узнать новые подробности». Эти подробности потом входили в его яркие статьи.

Карэн предложил мне перейти с иновещания в латиноамериканскую редакцию своего агентства. Конечно, я согласился бы, но помешало одно обстоятельство. Уже полным ходом шло оформление моего назначения в ка-

С руководителем Компартии Уругвая Роднеем Арисменди

честве корреспондента Гостелерадио в Мексике. Там было наше региональное отделение для Латинской Америки с солидной статьей расходов на командировки по странам региона. В общем, я улетел в Мексику от Гостелерадио. Не прошло и года, как в мексиканской столице мы встретились с Карэном. Он прибыл на международный журналистский форум, на котором обсуждались вопросы о

роли печати в укреплении взаимопонимания между народами в современных условиях. Помню, как бурно встретил зал короткое и яркое выступление Габриэля Гарсиа Маркеса. Сообщение, сделанное Карэном, было более продолжительным, но тоже интересным, заслужившим достойные аплодисменты. Я тогда взял краткие интервью у автора «Ста лет одиночества» и у Карэна, включил их в корреспонденцию, переданную в тот же день для иновещания и для радиостанции «Маяк». Не знаю, насколько близко в то время были знакомы знаменитый колумбийский писатель и известный советский публицист, но потом при встречах они даже подтрунивали друг над другом. В 1986 г. в той же Мексике состоялась международная конференция «Дебаты о ядерной проблеме в современном обществе». Для участия в ней были приглашены 45 известных деятелей мировой политики, науки, литературы, прессы. Нашу страну представлял Хачатуров. «Вместе с нами, — рассказывал он в своей книге «Три знака времени», — в курортном местечке Истапа пребывал гениальный творец «Ста лет одиночества» Габриэль Гарсиа Маркес. Купание в океане он игнорировал, но на берегу донимал меня упреками в «буржуазных пороках» — моем предпочтении шотландского виски финской водке в баре отеля. Я же приветствовал его не иначе как «образцового ленинца»: он был лауреатом Международной ленинской премии мира»⁵.

На конференции Карэн выступил с острым докладом, выдержки из которого цитировали ведущие мексиканские газеты. Сама конференция получила международный резонанс. После ее окончания Хачатурову вручили письмо от президента Мексики Мигеля де ла Мадрида, в котором были такие слова: «Большое удовлетворение нам приносит тот факт, что в борьбе за разоружение и мир в наших рядах стоят такие люди, как Вы»⁶. Карэна принимали и давали ему интервью президенты Аргентины, Венесуэлы, Колумбии, Коста-Рики, Мексики, Уругвая, Эквадора. Об одной из та-

ких встреч, которой сопутствовали необычные обстоятельства, стоит рассказать особо.

21 ноября 1981 г. газета «Известия» сообщила: «Президент Мексики Хосе Лопес Портильо принял в своей резиденции «Лос Пинос» специальных корреспондентов АПН К.Хачатурова и В.Травкина и ответил на вопросы о международной обстановке, состоянии советско-мексиканских отношений и перспективах их развития». Интервью было опубликовано под заголовком «Крепить связи с СССР». Мексиканские СМИ широко освещали интервью своего президента советскому информационному агентству.

Но еще больше внимания СМИ на следующий день уделили участию главы государства в церемонии открытия нового бюро АПН. Это было беспрецедентное для южного соседа США событие с соответствующим ажиотажем вокруг него. Еще бы — президент Мексики посещает представительство ведущего советского органа внешнеполитической пропаганды. Да простит меня нынешний главный редактор журнала «Латинская Америка» Владимир Травкин, если скажу, что именно он, тогда руководитель представительства АПН в Мехико, «заварил всю эту кашу», вызвав переполох на Старой площади. Дело в том, что до этого бюро АПН официально функционировало как пресс-отдел советского посольства. В связи с изменением своего статуса с дипломатического на журналистский бюро переехало в только что приобретенный более просторный офис, занимавший два этажа. Травкин, избранный в предшествующем году президентом Ассоциации иностранных корреспондентов в Мексике, водивший дружбу с влиятельными людьми из президентского окружения, попросил их посодействовать тому, чтобы на церемонии открытия бюро присутствовал глава мексиканского государства. Дружеские связи, столь важные в латиноамериканских странах для решения самых разных вопросов, сработали. Советский посол, поддержавший журналистскую инициативу, спешно отправил в Москву пространную депешу. Он сообщал, что президент Мексики выразил желание почтить своим присутствием новоселье, имея в виду, что на церемонию прибудет председатель правления АПН Лев Толкунов с посланием главе мексиканского государства от Леонида Брежнева. Именно последнее и стало причиной переполоха «наверху» в Москве. Однако помощник генерального секретаря по международным делам Андрей Михайлович Александров-Агентов сообщил руководству АПН, что согласен дать на подпись Брежневу текст послания и распорядился, чтобы его подготовили. Казалось, все решится положительно. Ведь престарелый генсек, как правило, подписывал все документы, завизированные его ближайшими соратниками. Но на этот раз произошла осечка. Леонид Ильич заупрямился и не стал подписывать послание, сказав: «Они переезжают, а мне поздравлять? Не буду...». Между тем к церемонии открытия бюро АПН уже все было готово, даже бронзовая мемориальная доска, запечатлевшая для потомства присутствие на этом акте президента Хосе Лопеса Портильо, Толкунова и Травкина. Но — увы: Толкунов почему-то уклонился от поездки за океан. И в ЦК было решено: хоть и без брежневского послания, но сроч-

но командировать в Мексику Хачатурова — его кандидатуру одобрил сам главный идеолог КПСС Михаил Андреевич Суслов. Решение принималось буквально накануне отъезда, и уже не оставалось времени на то, чтобы поменять одну фамилию на другую на мемориальной доске, честь открытия которой была предоставлена президенту Х.Лопесу Портильо. Он прибыл в корпункт в сопровождении большой свиты. Главу мексиканского государства встретили по русскому обычаю хлебом-солью. Ознакомившись с печатной продукцией, выпускаемой АПН на испанском языке, президент спросил: «Когда будет послание?». Двум доблестным представителям АПН было непросто выкручиваться в этой ситуации. Судя по всему, президент понял, что ему морочили голову, но не подал виду и остался невозмутим. Привычным для таких случаев жестом он откинул занавеску от мемориальной доски и произнес теплые слова приветствия. Затем последовало выступление Хачатурова. Однако на следующий день некоторые мексиканские газеты ссылались на выступление Толкунова, поскольку в мексиканских СМИ заранее анонсировался его приезд, и именно его имя было написано на мемориальной доске. Карэн со смехом вспоминал об этом.

Нужно сказать, что Хачатуров любил общаться с местными журналистами, когда приезжал на «вулканический континент». Не раз на пресс-конференциях и в беседах с вьедливыми латиноамериканскими коллегами он удивлял их своими обширными познаниями стран региона. Им импонировало то, что он не только глубоко знал международные проблемы и Латинскую Америку, но и никогда не уходил от ответов на острые вопросы, был ироничен в своих суждениях, дружески относился к собратям по перу из другого мира. Правда, было немало таких «коллег», которые в каждой его журналистской поездке пытались усмотреть миссию с «подрывными» целями и писали всякую чепуху, на что Карэн всегда реагировал открыто и с юмором. Пожалуй, ни один другой наш журналист не удостоивался такого большого внимания латиноамериканской прессы, как Карэн, исколесивший за полвека служения латиноамериканистике свой любимый регион вдоль и поперек. Его подходы к сложным проблемам времени были «типичными для лучших советских журналистов-международников, которые и в окопах холодной войны ни разу не потеряли ни разума, ни чувства меры ни в хуле, ни в хвале». Эти слова я взял из предисловия, которое издательство «Международные отношения» предпослало книге Хачатурова «Три знака времени»⁷.

После распада Советского Союза Карэн занял позицию критически мыслящего человека, который не мог равнодушно взирать на то, что происходило в нашей стране. На страницах «Независимой газеты» он страстно выступал против ошибочных послеперестроечных решений в отношении Кубы, когда еще недавно союзное нам государство было брошено на произвол судьбы, как и ценнейшие объекты, строившиеся на острове при нашем техническом содействии. А какой публицистический заряд несли в себе его разоблачительные статьи, направленные против тех праволюбив-

Президент Мексики Х.Лопес Портильо (в центре) на открытии Бюро АПН в Мехико, 1981 г. Рядом К.Хачатуров (слева) и В.Травкин

ральных российских политиков и политологов, которые преподносили чилийского диктатора Пиночета в качестве образца для подражания в деле «экономического возрождения». Примечательно, что одну из своих книг Карэн назвал «Латиноамериканские уроки для России» (1999). По словам бывшего посла Коста-Рики в России Плутарко Эрнандеса Санчеса, в этой большой монографии автор писал, в частности, о том, чтобы его любимая родина не повторяла свои и чужие ошибки, использовала только положительный опыт Латинской Америки. Время показало, что утверждение автора оправдалось: «В перспективе Латинская Америка и Россия будут в возрастающей степени, и не декларативно, а реально ощущать взаимную необходимость на уровне стратегического партнерства»⁸.

У Карэна был широчайший круг знакомых, у него сложились хорошие отношения не только в среде политической элиты латиноамериканских стран. Он был вхож в дома латиноамериканской интеллигенции, встречался с видными представителями культуры — Габриэлем Гарсиа Маркесом, Пабло Нерудой, Николасом Гильеном, Марио Бенедетти, Раулем Гонсалесом Туньоном, Жоржи Амаду, Давидом Альфаро Сикейросом, Рене Портокарреро, Освальдо Гуаясамином...

Когда в 1976 г. Карэн приехал в Мексику, мы вместе с ним побывали в доме у известного художника Пабло О'Хиггинса, одного из создателей знаменитой Мастерской народной графики, оказавшей большое влияние на графическое искусство Латинской Америки. Радужный хозяин встретил

нас тепло, показал свои последние работы: гравюры, пейзажи и портреты. Карэн интересовался истоками этого художественного движения, возникшего в 1937 г. О'Хиггинс рассказал, что, объединившись, художники поставили цель делать гравюры, которые отражали бы социальную борьбу и чаяния мексиканского народа. Но первые работы участников Мастерской народной графики были связаны с борьбой республиканской Испании против мятежников генерала Франко. О'Хиггинс поведал нам о совместной работе с Диего Риверой, который называл своего ученика «мой юный брат». Карэн спросил, не рассказывал ли Ривера в его присутствии о встречах с Владимиром Маяковским в Мексике в 1925 г. — ведь великий художник был главным гидом советского поэта. О'Хиггинс сказал, что не припоминает такого. Но читал, что было написано об этом, в том числе самим Риверой. «Конечно же, он был не только великим художником, но и великим фантазером, — с улыбкой заметил О'Хиггинс. — Наверное, не все, что он говорил Маяковскому, можно было принимать за чистую монету». Уже в 2000 г. известный знаток Мексики Вера Кутейщикова издала свою замечательную книгу «Москва—Мехико—Москва. Дорога длиной в жизнь». В ней она также высказывает сомнение относительно правдоподобности некоторых эпизодов встреч Маяковского с мексиканцами в изложении Риверы. Что касается «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи», то автор книги пишет: «Пробыв в Мексике всего две недели... Маяковский не ставил перед собой задачу нарисовать цельную картину мексиканской жизни, увиденной им как бы наспех. В его очерке — немало выразительных зарисовок быта и нравов, а подчас и откровенной чепухи, которую наболтал ему охочий до выдумок Ривера»⁹. Оказывается, когда три десятилетия спустя перевод очерка Маяковского «Мое открытие Америки» был опубликован в Мексике, там вспыхнул скандал вокруг имени советского поэта. Карэн каким-то образом хотел прикоснуться к этой любопытной теме, но замысел, кажется, так и остался неосуществленным. Во всяком случае, я не видел его публикаций на эту тему.

В 2005 г. в составе делегации «Голоса России» я улетал в Уругвай — любимую страну Карэна. За время многолетней работы там у Хачатурова установились обширные связи в различных кругах уругвайского общества. У него были давние добрые отношения с дважды избиравшимся президентом Уругвая Хулио Мариа Сангинетти, в прошлом известным журналистом. Карэн передал со мной письма и сувениры для своих уругвайских друзей — политиков и журналистов. Они оказали мне радушный прием и помогли установить нужные контакты в Монтевидео. А благодаря послу Яну Анастасьевичу Бурляю делегация совершила интересную поездку по Уругваю. Страна небольшая, и я успел многое увидеть. Потом свои впечатления невольно сравнивал с тем, что прочитал в последней книге Карэна «Уругвайский феномен». Нельзя было не согласиться с тем, что написал об авторе в своем предисловии Генрих Боровик: «Берусь утверждать, что, наверное, никто у нас так глубоко не знает удивительную латиноамериканскую страну под названием Уругвай»¹⁰.

В последний год жизни, 2005 г.

лиотеки для студенческой молодежной аудитории. Одновременно «марафон чтецов креольской поэзии» транслировался по радио. Более привычным было видеть Карэна на многочисленных политических, общественных и научных форумах. А декламирующим стихи уругвайских поэтов на их родине... Это казалось необычным. Но дебют Карэна в его новом амплуа прошел успешно.

Вскоре уже в Российской государственной библиотеке в Москве состоялось мероприятие другого рода, но к которому также был причастен Хачатуров. В ноябре 2004 г. там открылась выставка «Дары Российской государственной библиотеке». В пресс-релизе, в частности, говорилось: «Экспозиция включает в себя и книги К.А.Хачатурова — публициста с международным именем, доктора исторических наук, профессора Дипломатической Академии МИД РФ. Он передал в дар РГБ наиболее ценные издания из своего научного собрания — среди них редкие сегодня публикации 30-х годов. Эти книги помогут современному исследователю и читателю в изучении этапов развития Уругвая — страны с богатой историей, интересными культурными традициями, захватывающей общественной и политической жизнью»¹¹. К этому следует добавить: многие из переданных книг уже давно стали ценной библиографической редкостью в самом Уругвае, где они были изданы.

Карэн до конца дней был председателем Российского комитета сотрудничества с Латинской Америкой. Благодаря высокому авторитету предсе-

Накануне отъезда в Москву я зашел в Национальную библиотеку Уругвая, чтобы просмотреть некоторые книги и журналы и сделать копии нужных мне материалов. И вдруг на информационном стенде вижу фотографию «сеньора Карэна Хачатурова», запечатленного в момент, когда он выступал с трибуны перед микрофонами. Снимок сделан в Монтевидео в 2003 г. Тогда Карэна пригласили поучаствовать в «марафоне чтецов креольской поэзии». Этот необычный поэтический праздник был организован в одном из залов Национальной библи-

дателя венесуэльский Фонд «Библиотека Аякучо» и чилийский «Фонд Эдуардо Фрея Монтальвы» передали комитету все права на издание в России двух необычных книг. Одну из них — «Российский дневник» Франсиско де Миранды¹² (о его путешествии в Российскую Империю) — Владимир Путин подарил президенту Венесуэлы Уго Чавесу во время его официального визита в Россию в 2001 г. Автора дневника свято почитают на родине — в Венесуэле — как национального героя борьбы за независимость. А его имя как видного военачальника Французской революции высечено на Триумфальной арке в Париже. Историки разных стран, в том числе и наши, много писали об этой яркой личности. Но благодаря этому изданию нашему читателю представилась возможность познакомиться с необычными страницами жизни Ф.Миранды — его почти годичным пребыванием в России (1786—1787), где он оказался под покровительством императрицы Екатерины II. Дневник Миранды — это уникальное описание екатерининской эпохи, сделанное выдающимся человеком своего времени, первым латиноамериканцем, посетившим Россию. Другая книга, которая была издана Российским комитетом сотрудничества с Латинской Америкой под редакцией и с послесловием Хачатурова, примечательна тем, что она восстановила в нашей стране доброе имя чилийского президента Эдуардо Фрея Монтальвы. Ведь именно этот человек, лидер христианской демократии Чили, придя к власти в 1964 г., восстановил дипломатические отношения с Москвой, всячески способствовал развитию связей между нашими странами, с глубоким уважением относился к великим русским писателям. Хотя крайне правые обвиняли его в «потворстве» приходу к власти марксистов, называли «чилийским Керенским» и даже предпринимали попытки втянуть его в антиконституционный заговор, он как истинный демократ в ноябре 1970 г. передал ленту главы государства избранному президентом социалисту Сальвадору Альенде. Чтобы понять, насколько важно было издать в России избранные произведения Э.Фрея «Будущее Чили внушает мне надежду», процитирую слова Хачатурова из его предисловия к этой книге: «Надо признать со всей откровенностью: мы в моральном долгу перед памятью Эдуардо Фрея Монтальвы. В прошлом мы исповедовали кредо: «Враг нашего друга — наш заклятый враг». История Чили распорядилась так, что на каком-то этапе главным соперником, политическим противником Эдуардо Фрея (подчеркиваем: противником, но не врагом) являлся лидер Социалистической партии Сальвадор Альенде... В условиях черно-белого видения действительности, политического дальтонизма все симпатии советских обществоведов и в особенности латиноамериканистов, но прежде всего пропаганды, были на стороне Сальвадора Альенде. Светлая память о нем не пострадает, если сегодня мы честно признаемся в наших заблуждениях, в заведомо предвзятой необъективной оценке личности Эдуардо Фрея Монтальвы, его выдающегося политического и литературного вклада в историю Чили»¹³.

К.Хачатуров по достоинству был отмечен высокими наградами Чили и Венесуэлы. Его заслуги высоко оценены и в нашей стране: он был награж-

ден четырьмя орденами. Карэн принадлежал к той категории журналистов-международников, которых с полным правом называли страноведами. Они обладали обширнейшими знаниями в сфере своей специализации, писали основательно и интересно. Нашим нынешним СМИ, к сожалению, недостает таких глубоких специалистов. Как будто все осталось в прошлом, новые яркие имена пока так и не появились. В этом отношении Хачатуров может служить примером для нынешних журналистов-латиноамериканистов. Он всецело посвятил себя изучению Латинской Америки, распространению знаний о ней в нашей стране, укреплению сотрудничества с далеким регионом. Когда в августе 2005 г. Карэн ушел из жизни, заместитель министра иностранных дел России Сергей Иванович Кисляк отмечал: «Он на протяжении долгих лет принимал самое активное участие во всех значимых событиях научной, политической и общественной жизни, связанных с Латинской Америкой, внес заметный вклад в выработку линии отношений России с государствами этого региона. В своих трудах, которые были неизменно востребованы в работе дипломатов-латиноамериканистов, умело сочетал научный подход с журналистским мастерством, к его советам и мнению прислушивалось руководство Министерства»¹⁴.

Наверное, на этой высокой оценке личности Хачатурова можно бы поставить точку в этом очерке. Но ведь кто-то, прочитав его, скажет: «Автор сделал из Хачатурова чуть ли ни ангела». Но я знал именно такого Хачатурова, я общался с таким Хачатуровым, о котором рассказал. Конечно, Карэну как человеку были присущи противоречия, сомнения и колебания, свойственные людям. Но поразительными были его собранность, организованность, упорство и целеустремленность. Меня удивляла его колоссальная работоспособность. Да и он сам называл себя трудоголиком. Суббота и воскресенье оставались для него лучшими днями, которые он часто предпочитал проводить не за городом, а дома, за рабочим столом, рядом с книгами из своей богатой библиотеки. В общем, опять получается продолжение образа «ангела». Если бы я работал непосредственно под началом Хачатурова или рядом с ним в Агентстве печати «Новости», тогда, наверное, я мог бы больше рассказать о его личных качествах и о том, как они проявлялись в общении с сотрудниками. Они, кстати, вспоминают, что он был непростым, временами жестким, крайне требовательным человеком. Я согласен с коллегами Карэна по агентству, которые писали: «Ничего необычного в этом нет: большой и яркий человек всегда не прост и не всегда удобен в личном общении»¹⁵. По их словам, в отличие от некоторых других, Хачатуров свои высокие награды «отработал в полной мере, не щадя себя, да и нас, грешных». При этом коллеги Карэна отмечают: «Но Карэн Арменович, при всей внешней суровости, был по-настоящему отзывчивым человеком. Он многим своим коллегам помог в жизни, многих выручил в трудной ситуации, многим поверил, многих выучил...»¹⁶.

Я благодарен судьбе за то, что на протяжении многих лет у нас с Карэном были добрые отношения. На полках моей домашней библиотеки стоят

его книги с теплыми дарственными надписями. Я снова просмотрел их, когда писал этот очерк. Какое же большое и ценное наследие оставил Каррэн нашим латиноамериканистам! И хотя это — мои воспоминания, хочу завершить их словами, сказанными о Хачатурове профессором Борисом Иосифовичем Ковалем: «И уж если говорить об отечественной элите, то именно он и принадлежал к этой редкой категории. Из таких личностей и состоит гражданское общество России. Именно такие люди и определяют лицо отечественной науки и журналистики»¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К.Хачатуров. Три знака времени. М., 2002, с. 293, 294.

² Латинская Америка. М., 2005, № 1, с. 77, 90.

³ Л.Косичев. «Голос России» говорит по-испански. М., 2007, с. 72.

⁴ Голос, который знаком всему миру. М., 2009, с. 167.

⁵ К.Хачатуров. Указ. соч., с. 289.

⁶ Там же, с. 292.

⁷ Там же, с. 5.

⁸ К.Хачатуров. Латиноамериканские уроки для России. М., 1999, с. 375.

⁹ В.Кутейщикова. Москва—Мехико—Москва. М., 2000, с. 69.

¹⁰ К.Хачатуров. Уругвайский феномен. М., 2004, с. 5.

¹¹ www.polet-condora.ru/culture.php

¹² Франсиско Миранда. Российский дневник. М., 2000.

¹³ Эдуардо Фрей Монтальва. Будущее Чили внушает мне надежду. М., 1998, с. 291, 292.

¹⁴ Латинская Америка, 2005, № 9.

¹⁵ Лента новостей РИА НОВОСТИ, 08.08.2005.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Латинская Америка, 2005, № 9.